

ТРИ ВОЛНЫ ПОПУЛИЗМА В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

О.Б. Варенцова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье анализируются политические режимы в странах Латинской Америки, возникшие в периоды так называемых волн популизма. В XX в. страны региона пережили две волны популизма, совпавшие с историческими периодами политических транзитов: переходом от олигархии к массовой политике, сопровождавшимся становлением экономической модели импортозамещающей индустриализации, и от авторитарных режимов к демократии в рамках третьей волны демократизации, создавшим условия для неолиберальных реформ, инспирированных Вашингтонским консенсусом. В начале XXI в. с приходом к власти таких лидеров, как Уго Чавес и Эво Моралес, эксперты заговорили о возрождении латиноамериканского популизма в его классической форме, связанной с внутренне ориентированной моделью развития и антиимпериалистической направленностью.

*Представленные в этой статье характеристики латиноамериканских популистских режимов позволяют проследить генезис современных политических режимов в Венесуэле и Боливии, а также выявить их уникальные особенности. В статье отмечается, что левопопулистские режимы, к которым относятся режимы У. Чавеса и Э. Моралеса, во многом сохраняют преемственность по отношению к режимам, возникшим в период предыдущих волн латиноамериканского популизма. Их основной программной характеристикой по-прежнему остаётся антиэлитарная направленность. В статье делается вывод о том, что левопопулистские режимы характеризуются слабой институционализацией, классовою или проиндейской ориентацией и высоким уровнем поляризации в обществе. Как правило, избрание во власть левопопулистских лидеров чревато возникновением институционального кризиса, нарушением баланса возможностей (*level playing field*) и сдвигом в сторону соревновательного авторитаризма.*

Ключевые слова: популизм, неолиберализм, импортозамещающая индустриализация, кризис представительной демократии, кризис партийной системы, Латинская Америка, Венесуэла, Боливия.

Первая волна популистских режимов захлестнула страны Латинской Америки в 1940-х гг., когда регион переживал распад экономической модели аграрного капитализма, а также сопутствовавший ему кризис легитимности олигархического государства. По словам политолога Джеймса Мэллоя, рассуждавшего о положении латиноамериканских стран в период между двумя мировыми войнами с позиции теории зависимости, «популизм стал региональным ответом кризису модели догоняющего развития» [12, р. 6]. Интеграция латиноамериканских стран в мировую экономику за счёт налаживания поставок сельхозпродукции в Европу и США привела к чрезмерной зависимости стран региона от импортеров своей продукции, что препятствовало накоплению модернизационного потенциала, преодолению внутренней отсталости и выходу на путь устойчивого развития. Возможно, этому способствовали и ограничения в политической сфере. В большинстве стран связанная с агроэкспортом местная олигархия ограничивала доступ населения к политическому участию. Так, в Бразилии даже в первые годы «эры Варгаса», (1933 – 1934 г.), количество избирателей, допущенных к участию в выборах, не превышало 3,5%–6,5% от численности населения страны [19].

Мировой экономической кризис 1929 г., а также Вторая мировая война вынудили правительства латиноамериканских стран отказаться от экономической модели агроэкспорта и обратиться к политике импортозамещающей индустриализации (ISI), которая в свою очередь привела к ускоренной урбанизации. Как подчёркивает социолог Джинно Джермани, если первая волна миграции в Аргентине в 1869–1914 гг. возникла благодаря массовому наплыву в страну европейцев, то две последующие волны, случившиеся в 1930 – 1935-х и 1950 – 1955-х гг., объяснялись внутренним перемещением населения [8]. Массовая миграция привела к появлению в крупных городах так называемых *незанятых масс*. Представители этого социального слоя (преимущественно рабочие), вырвавшись из-под контроля местной элиты (землевладельцев), стали добиваться того, чтобы их интересы были представлены на национальном уровне. Они требовали расширения политических, экономических и социальных прав.

Под давлением незанятых масс начался процесс перехода от олигархии к массовой политике и появились политические фигуры, бравшиеся восстановить социальную справедливость в обществе: Хуан Доминго Перон в Аргентине, Ласаро Карденас в Мексике, Жетулио Варгас в Бразилии, Хосе Мария Веласко Ибарра в Эквадоре и другие. В предвыборной речи 1946 г. будущий аргентинский лидер Х.Д. Перон говорил, обращаясь к своим сторонникам: «В нашей стране идёт борьба не между «свободой» и «тиранией» (...), не между «демократией» и «тоталитаризмом». На самом деле разыгрывается партия между «социальной

справедливостью» и «социальной несправедливостью» [9, р. 222].

Первая волна латиноамериканского популизма характеризуется внутренне-ориентированной, этатистской моделью развития, подразумевавшей госрегулирование экономики, субсидирование ключевых отраслей промышленности, перераспределение дохода и экспансивную бюджетную политику. В начале 1990-х гг. экономисты Рюдигер Дорнбуш и Себастьян Эдвардс на основе данных характеристик предложили «экономический подход» к анализу популистских режимов [6]. Поскольку популистские лидеры недооценивают риски инфляции и бюджетного дефицита, внешние ограничения и реакцию экономических акторов на агрессивную политику, противоречащую свободному рынку, эволюция режимов неизбежно идёт по пути, последовательно минуя следующие фазы:

- абсолютный контроль лидера над экономикой (рост макроэкономических индикаторов; ускорение промышленного роста, повышение уровня занятости и зарплат; контроль над инфляцией, дешёвый импорт);

- первые признаки эффекта "бутылочного горлышка" (дефицит ликвидности, девальвация национальной валюты, рост инфляции, увеличение бюджетного дефицита);

- лидер теряет контроль над экономикой (галолирующая инфляция, рост дефицита ликвидности и товаров массового потребления, массовый отток капитала, рост бюджетного дефицита, вторая волна девальвации нацвалюты, резкое снижение уровня зарплат);

- новое правительство вынуждено применить шоковую терапию (введение программы жёсткой экономии, проведение структурных реформ под руководством Международного Валютного Фонда).

Стоит отметить, что в качестве программных характеристик режимов первой волны выделялась не только ориентация их лидеров на достижение экономической независимости, но также враждебность по отношению к олигархической элите. По мнению политолога Эрнесто Лаклау, популистские режимы первой волны возникли в результате столкновения антагонистических интересов общества и элиты (*ruptura populista*) в условиях кризиса легитимности олигархического государства [9]. Впоследствии такие авторы, как Маргарет Кэнован, Франсиско Панисса и Энрике Перуссоти разовьют мысли Лаклау об антагонистической основе популизма: по их мнению, популистским лидерам необходим «образ врага», чтобы мотивировать и объединять вокруг себя массы.

Несмотря на провозглашение курса к экономической независимости и социальной справедливости, популистские режимы первой волны не были режимами левой ориентации. Политические лидеры опирались не на рабочий класс, а на мультиклассовые коалиции, и, что важнее, не стремились к проведению глубоких

социальных реформ. Так, организационные характеристики популистских режимов первой волны свидетельствуют, что отличительной особенностью популистских режимов первой волны является частичное включение граждан (де-юре, а не де-факто) в процесс принятия решений [8]. При этом вертикальные, патерналистские связи между лидером и массами жёстко институционализированы; участие граждан в политическом процессе строго контролируется, а в принятии решений лидер сохраняет полную независимость.

В 1960-е гг. стало очевидно, что популистские режимы первой волны не смогли обеспечить стабильность экономического роста. К тому времени эволюционный цикл перешел к стадии проявления эффекта *бутылочного горлышка* с перспективой дальнейшего обострения экономических проблем. Чтобы избежать полномасштабного экономического кризиса, политическая и экономическая элита ряда стран предприняла успешные попытки военного переворота, которые привели к замене популистских режимов на авторитарно-бюрократические, вернувшие к власти политиков-технократов. По ироничному замечанию политолога Пола Дрейка, в то время все силы политического спектра – и правые, и левые – праздновали поражение популизма: если правые критиковали популистов за плохие макроэкономические показатели и политическую нестабильность, то левые называли популистских лидеров псевдо-реформаторами, которые только усугубляли социальное неравенство [Drake 1982].

Вторая волна популистских режимов затронула латиноамериканские страны в период мирового долгового кризиса, начавшегося в 1982 г. Повышение процентных ставок в США на фоне глобальной экономической рецессии, а также сама структура задолженности (короткие долги) сделали затруднительным для ряда стран региона дальнейшее обслуживание внешнего долга, в некоторых случаях превышавшего ВВП. Чтобы иметь возможность договориться с кредиторами об условиях реструктуризации долга, разобраться с галопирующей инфляцией и решить другие экономические проблемы, правительства этих стран были вынуждены применить *шоковую терапию*, приняв антикризисный пакет реформ под руководством МВФ.

В Аргентине, Перу и Венесуэле под давлением кредиторов и международных финансовых организаций политические лидеры, пришедшие к власти с обещанием продолжения курса импортозамещающей индустриализации, были вынуждены сделать резкий разворот в сторону неолиберальных реформ, негативно воспринятый населением. Эффект от этого «разворота» не был одинаков. В Аргентине новая экономическая политика увенчалась успехом; в Перу удалось избежать социальной напряжённости благодаря действию «точечных» программ помощи бедным, но в Венесуэле реализация пакета реформ

«Великий поворот» (*el Gran viraje*) вылилась в усиление политической и социальной напряжённости. В феврале 1989 г. одобренное президентом Карлосом Андресом Пересом повышение тарифов на проезд в общественном транспорте вызывало в крупных городах волну беспорядков (Каракас), которая была жестоко подавлена военными и, по официальным данным, унесла жизни около 300 человек.

Практика подобных *разворотов*, перечеркивающих щедрые предвыборные обещания, получила в литературе название «замани и измени курс» (*bait-and-switch*). Как показал опыт, в нескольких странах Латинской Америки неолиберальные реформы проводились политиками-популистами, которые использовали те же политические стратегии по удержанию власти, что и популисты первой волны (например, методы вертикальной мобилизации), но при этом действовали в условиях жёсткой экономии [20].

Поскольку в 1990-х гг. главные бенефициары популистских режимов первой волны – рабочие, занятые в формальном секторе экономики, – были жёстко «привязаны» к профсоюзам и политическим партиям, популистские лидеры второй волны – Альберто Фухимори в Перу, Карлос Менем в Аргентине, Фернанду Колор Ди Мелу в Бразилии – предпочитали дистанцироваться от этих структур и обращаться напрямую к тем слоям населения, которые всё ещё были неспособны к коллективным действиям, не были способны организованно защищать свои политические и экономические права и легко поддавались популистской риторике.

Таким образом, популисты второй волны, как когда-то их предшественники, апеллировали к тем слоям населения, которые были особенно подвержены мобилизации, то есть к *незанятым массам* (если вернуться к определению Джермани). В 1990-х гг. *незанятой* оказалась беднейшая прослойка населения латиноамериканских стран – мелкие торговцы и лавочники, чьи интересы не были учтены на стадии становления политики импортозамещающей индустриализации (поскольку в то время они находились под жёстким контролем землевладельцев). Обращаясь к данным слоям населения, неопопулисты использовали как материальные, так и нематериальные стимулы: они обещали повысить качество жизни и тут же разоблачали виновников бед. Объектами атак неопопулистов чаще всего становилась коррумпированная политическая элита – те её представители, которые оказывали наибольшее сопротивление экономическому курсу неолиберальных реформ.

Несмотря на кризис модели импортозамещающей индустриализации, снабжавшей ресурсами популистские режимы первой волны, неопопулисты, используя проверенные политические стратегии вертикальной мобилизации и конфронтации с политической и экономической элитой, смогли заручиться поддержкой значительного числа населения и тем самым

обеспечить своё пребывание у власти в тяжёлые времена структурных преобразований. К тому же, принципы *Вашингтонского консенсуса* в попытке смягчить удар от неолиберальных реформ предусматривали создание точечных программ помощи бедным (*targeted anti-poverty programs*), что также играло на руку неопопулистам, предоставляя им возможность помогать электорату, не нарушая режима жёсткой экономии.

Несмотря на определённые сходства, латиноамериканские популистские режимы первой и второй волны всё же различались в части своих организационных и программных характеристик: а именно, по степени институционализации режима и по типу экономической модели. Эти характеристики мы можем считать второстепенными. Создаваемые популистским лидером политические или профсоюзные организации, а также избираемый им тип экономической политики (ISI или рыночная экономика), с точки зрения политолога Кеннета Робертса, являются лишь инструментами, с помощью которых этот лидер выполняет свою главную задачу мобилизации масс [13]. Эта задача может быть решена, если популистский лидер обращается к электорату напрямую, а также мотивирует его с помощью нематериальных стимулов (например, манипулирует чувствами электората по отношению к коррумпированной элите). Таким образом, экспансивная бюджетная политика, а также высокая степень институционализации необязательно присущи популистскому режиму. В таком случае, в качестве ключевой организационной характеристики популистских режимов первой и второй волны мы можем выделить вертикальную (контролируемую) мобилизацию масс, а в качестве ключевой программной характеристики – антиэлитарную направленность и конфронтационность. Отсюда мы делаем вывод, что интересующие нас политические режимы:

- возникли во времена политического и экономического кризиса;
- не были режимами левой ориентации.

Лидеры этих режимов мобилизовывали массы по типу сверху-вниз и использовали антиэлитарный дискурс. Здесь следует остановиться подробнее на втором пункте. Очевидно, что популистские режимы второй волны в силу проводимой ими ортодоксальной экономической политики не могли быть режимами левой ориентации. Что же касается популистских режимов первой волны, то возникает вопрос: почему они, несмотря на благоприятные исторические условия, способствовавшие проведению масштабных политических и социальных преобразований, не стали режимами левой ориентации. На этот счёт существует несколько версий. С точки зрения некоторых специалистов, латиноамериканские левые силы после Второй мировой войны, приняв популизм за временное явление, в чём-то схожее с европейским фашизмом, упустили момент и проиграли популистским лидерам в борьбе за профсоюзные

движения, объединявшие их главный электорат – рабочий класс [3]. В итоге не подвергнутые идеологической обработке рабочие, если и осознавали важность прогрессивной экономической политики перераспределения доходов, всё же сохраняли консервативное видение государственного устройства.

Другие эксперты подчёркивают, что количество ассоциированных профсоюзным движением (то есть политически активных) рабочих в Латинской Америке в период 1960 – 1980-х гг. было небольшим: всего 20% от общего числа рабочего класса (в Западной Европе этот показатель составлял 41,5%), так что для успешной конкуренции с традиционными элитистскими партиями левоориентированным политическим силам оставалось только собирать «всеохватные» партии (*catch-all parties*) [13]. Причём эта тенденция была характерна для всего региона, а не только для стран с популистскими режимами: по мнению экспертов, партийно-политические системы латиноамериканских стран никогда полностью не отражали структуру социальных размежеваний [5].

Третья волна популистских режимов возникла на рубеже XX – XXI вв. в Венесуэле и Боливии, в которых протест против неолиберализма принял неинституционализированные формы. Как известно, неолиберальный поворот в регионе был достаточно неоднородным [11]. Составители так называемого индекса реформ выделяли среди латиноамериканских стран ранних и поздних, умеренных и агрессивных реформаторов. Подобная классификация должна была помочь исследователям предсказать степень эффективности проводимых реформ, а также уровень их поддержки среди населения. Так, например, политолог Курт Вейланд считал, что в странах, которые действовали «на опережение» и проводили неолиберальную политику задолго до развертывания полномасштабного экономического кризиса (как, например, Венесуэла), реформы были обречены на провал, поскольку население, не испытывавшее последствий гиперинфляции, морально не было готово *зайти на территорию потерь (domain of losses)* [20]. В зависимости от реакции населения на издержки неолиберальных реформ, связанные прежде всего со сворачиванием программ социальной помощи, протест против неолиберализма в регионе принимал либо институционализированные (ретроспективное голосование), либо неинституционализированные (уличные акции и протесты) формы. Там, где данный протест принял радикальные формы, он был инспирирован, как правило, не только экономическими, но и политическими факторами, среди которых главную роль сыграли:

- рост коррупции при относительной безнаказанности политической элиты;
- институциональные реформы 1990-х гг., направленные на децентрализацию власти и

изменение избирательной системы, которые запустили процесс *персонификации* выборов;

- кризис политического представительства, связанный с отсутствием эффективных левых или проиндейских партий.

Рост коррупции наряду с другими признаками кризиса государственного управления (проблемы в области ЖКХ, судебного производства, контроля за деятельностью полиции) в период структурных преобразований 1990-х гг. привели к дискредитации институтов власти, что, вкупе с постепенной «элитизацией» партийной системы или появлением новых проиндейских партий, способствовало размыванию идентификации избирателей с традиционными политическими партиями. Это выразилось в высоком уровне электоральной волатильности и абсентеизма, что, в конечном счёте, привело к кризису или коллапсу партийной системы и образованию своего рода политического вакуума. Благодаря этому вакууму на политической сцене возникли новые антисистемные политические акторы, решившие бороться за власть, чтобы исправить *ошибки* неолиберализма и перезагрузить неэффективную политическую систему. А поскольку неолиберализм считался экономическим проектом правых сил, эти политические акторы вскоре стали восприниматься как лидеры и движущая левая ориентация. Таким образом, приход к власти левоориентированной антисистемной оппозиции, а также наличие подверженных мобилизации масс привели к появлению левопопулистских режимов, которые считаются частью латиноамериканского *левого поворота*.

Стоит отметить, что левопопулистские режимы в Латинской Америке во многом сохраняют преемственность по отношению к режимам, возникшим в период двух предыдущих волн латиноамериканского популизма. Их основной программной характеристикой по-прежнему считается антиэлитарная и антиимпериалистическая направленность. Поскольку лидеры этих режимов, как правило, являются политическими аутсайдерами, то есть представителями антисистемной оппозиции, они выгодно эксплуатируют в качестве своей политической стратегии *игру с нулевой суммой*, согласно которой они предстают в образе спасителей нации, единственных выразителей интересов народа, противостоящих коррумпированной и развращённой элите. По словам Курта Вейланда, левые популисты относятся к своим оппонентам «не как к противникам в равной и честной борьбе, но как к огромной угрозе. Называя соперников «врагами народа», они ищут любые средства, чтобы победить и маргинализовать их. Превращая политику в борьбу «мы против них», популисты подрывают плюрализм и пренебрегают институциональной системой сдержек и противовесов» [22, р. 21].

Одержав победу на президентских выборах, левые популисты какое-то время вынуждены существовать в ограниченных условиях «разделён-

ной власти», поскольку Конгресс, Верховный суд, профсоюзы и другие организации гражданского общества, как правило, контролируются недружественной традиционной элитой. Однако они делают всё возможное, чтобы этот период был недолгим. Используя мандат на перезагрузку политической системы, левые популисты экстренно созывают Конституционное собрание (даже если эта процедура не прописана в действующей конституции, как это было в Венесуэле в 1999 г.), переписывают конституцию, меняют избирательную систему, попутно распускают Конгресс и Верховный суд и «наполняют» их сторонниками режима. Так, например, Уго Чавес в Венесуэле, избранный на президентский пост в декабре 1998 г., в течение одного только 1999 г. «добился абсолютного контроля над всеми государственными институтами, которые могли бы уравновешивать его полномочия» [2, с. 75]. Таким образом, как подчеркивают политологи Стивен Левицкий и Джеймс Локстон, избрание во власть левого популиста чревато возникновением институционального кризиса, нарушением баланса возможностей (*level playing field*) и сдвигом в сторону соревновательного авторитаризма [10].

Левопопулистские лидеры, так же как и популисты второй волны, предпочитают обращаться к своим сторонникам напрямую, минуя институты политической ответственности, что становится возможным благодаря кризису или коллапсу партийной системы. Чтобы мобилизовать своих сторонников и увеличить таким образом уровень поддержки режима, а также создать видимость подотчётности, левые популисты проводят частые плебисциты, организованные «сверху» (при этом ограничивая попытки проведения референдумов «снизу»).

Сохраняя некоторую преемственность с популистскими режимами первой и второй волны, современные левопопулистские режимы имеют и некоторые отличительные особенности, одна из которых состоит в ярко выраженной классовой или проиндейской ориентации. Несмотря на то, что левые популисты по-прежнему вынуждены собирать мультиклассовые коалиции, они всё же не упускают возможности продемонстрировать свою приверженность определённой социальной или этнической группе, что достигается за счёт антиэлитарного, националистического, антиимпериалистического дискурса и клиентелистских механизмов.

В отличие от левоцентристских лидеров в Латинской Америке (Мишель Бачелет в Чили, Хосе Мухика в Уругвае, Луис Инасиу Лула да Силва и Дилма Роуссефф в Бразилии), которые поддерживают модель свободного рынка, левые популисты тяготеют к этатистской модели развития. С точки зрения некоторых специалистов, левопопулистские лидеры намеренно концентрируют власть в своих руках, разрушая систему сдержек и противовесов, чтобы иметь возможность без помех реализовать радикаль-

ные социально-экономические реформы [22]. Тем не менее, развёртывание радикального левопопулистского режима не может происходить только по воле политического лидера (*political agency*), поскольку важную роль играют и структурные факторы. Не стоит забывать, что левопопулистские режимы, возникшие в государствах-рантье при уникальной политической и экономической конъюнктуре (коллапс партийной системы, кризис госуправления, резкий скачок цен на нефтепродукты в 2003 г.), изначально были освобождены от влияния ряда внутренних и внешних ограничивающих факторов (например, от давления со стороны политической и бизнес-элиты).

Сравнение основных характеристик современных левопопулистских и левоцентристских режимов в Латинской Америке делает очевидным, что первые менее институционализированы, а потому отличаются большей степенью радикализма. Что касается вторых, то они появились в условиях институционализированной партийной системы, завершённых неолиберальных реформ и диверсифицированной экономики, так что их лидеры вынуждены придерживаться умеренного курса. К тому же, левопопулистские режимы возникли в странах – и это предопределило их радикальный характер – в которых преобладали левые и антиимпериалистические настроения [17].

Из-за революционного настроения левых популистов, которые убеждены, «что все существующие в их странах и в мире проблемы можно решить одним махом, «кавалерийским» наскоком» [1, с. 88], их социально-экономические реформы, как правило, имеют спорадический характер, подчиняясь логике политической конъюнктуры: масштабные социальные проекты могут запускаться в период электоральных циклов, чтобы поднять рейтинг лидера (как, например, венесуэльские «Миссии»). Наскоро реализованные программы социальной помощи отличаются при этом слабой институционализацией и имеют непрозрачные источники финансирования. Таким образом, даже в левопопулистских режимах с ярко выраженной классовой ориентацией социально-экономическая политика остаётся всего

лишь инструментом, с помощью которого эти лидеры мобилизуют своих сторонников и стремятся удержать власть.

Примерами политики левого популизма в Латинской Америке являются режимы, возникшие в Венесуэле и Боливии в период правления Уго Чавеса (и его преемника Николаса Мадуро) и Эво Моралеса. Однако их нельзя считать полностью идентичными. Их схожесть в том, что они возникли в период политического и экономического кризиса, когда основные институты власти потеряли легитимность, и консолидировались благодаря увеличению доли природной ренты в бюджете страны. Отсюда – их радикальный характер. Тем не менее, нельзя забывать и о том, что эти режимы возглавили лидеры, по-разному интегрированные в политическую систему, что предопределило различную степень их подотчётности и, соответственно, различную динамику взаимодействия исполнительной и законодательной ветвей власти, а также развития гражданского общества. Если в Венесуэле массовая мобилизация носила строго вертикальный характер (новые социальные движения создавались исключительно по воле лидера, а участие граждан строго контролировалось), то в Боливии мобилизация происходила по типу *снизу-вверх*, из-за чего Э. Моралес долгое время не мог «оседлать» протестную волну.

Современные левопопулистские режимы в Венесуэле и Боливии возникли в уникальных условиях, а потому вряд ли могут быть «скопированы» и перенесены на почву других стран региона: ограничения глобального финансового рынка, а также институционализированная парламентская оппозиция не позволяют левоориентированным лидерам в Чили, Бразилии и Уругвае выйти за отведённые им рамки. Данные режимы сохраняют некоторую преемственность по отношению к латиноамериканским популистским режимам первой и второй волны: их лидеры используют антиэлитарный дискурс и опираются на прямые связи с электоратом. Однако при этом левопопулистские режимы имеют и отличительные особенности, одна из которых состоит в ярко выраженной классовой или проиндейской ориентации.

Список литературы

1. Дабагян Э.С. 2007. Методологические основы изучения феномена «левого поворота» // «Левый поворот» в Латинской Америке / Ред. Сударев В.П. М.: Институт Латинской Америки РАН. 216 с.
2. Корралес Х. 2006. Диктатор нового типа // *Pro et Contra*. №1, с. 74–83.
3. Angell A. 1998. The Left in Latin America since c.1920. // *Latin America*, vol. 6: 1930 to the Present, part 2: Politics and Society/ Ed. by Bethell L., pp. 163–232.
4. Conniff M.L. 1999. Introduction. Populism in Latin America / Ed. by Conniff M.L. Tuscaloosa and London: The University of Alabama Press. 243 p.
5. Dix R.H. 1989. Cleavage Structures and Party Systems in Latin America // *Comparative Politics*, no. 22, pp. 23–37.
6. Dornbusch R., Edwards S. 1992. La macroeconomía del populismo. Macroeconomía del populismo en la América Latina / Ed. por Dornbusch R., Edwards S. México: Fondo de cultura económica, 459 p.

7. Drake P.W. 1982. Conclusion: Requiem for Populism? Latin American Populism in Comparative Perspective / Ed. by Conniff M.L. Albuquerque, University of New Mexico Press. 257 p.
8. Germani G. 1977. Política y sociedad en una época de transición. De la sociedad tradicional a la sociedad de masas. Buenos Aires: Paidós. 371 p.
9. Laclau E. 1978. Política e ideología en la teoría marxista. Capitalismo, fascismo, populismo. Madrid: Siglo XXI de España Editores, S.A. 323 p.
10. Levitsky S., Loxton J. 2012. Populism and Competitive Authoritarianism in the Andes. Democratization, no 20 (1), pp. 107–136.
11. Madrid R. 2005. Ethnic Cleavages and Electoral Volatility in Latin America. Comparative Politics, no. 38 (1), pp. 1–20.
12. Malloy J.M. 1977. Authoritarianism and Corporatism in Latin America: The Model Pattern. Authoritarianism and Corporatism in Latin America / Ed. by Malloy J.M. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. 529 p.
13. Potter B. 2007. Constricting Contestation, Coalitions, and Purpose: The Causes of Neoliberal Restructuring and Its Failures. // Latin American Perspectives, no. 34 (3), pp. 3–24.
14. Roberts K.M. 2002. Social Inequalities Without Class Cleavages in Latin America's Neoliberal Era. // Studies in Comparative International Development, no. 36 (4), pp. 3–33.
15. Roberts K. 2003. Social Polarization and the Populist Resurgence in Venezuela. // Venezuelan Politics in the Chávez era. Class, Polarization and Conflict / Ed. by Ellner S., Hellinger D. Boulder: Lynne Rienner Publishers. P.55–72.
16. Roberts K.M. 2007. Latin America's Populist Revival. // SAIS Review, no. 27 (1), pp. 3–14.
17. Seligson M. A. 2007. The Rise of Populism and The Left in Latin America. // Journal of Democracy, no. 18 (3), pp. 81–95.
18. Stokes S.C. 2001. Mandates and Democracy. Neoliberalism by Surprise in Latin America. Cambridge: Cambridge University Press. 220 p.
19. Weffort F. 1999. El populismo en la política brasileña. Populismo y neopopulismo en América Latina: el problema de la Cenicienta / Ed. por Mackinnon M.M., Petrone M.A. Buenos Aires: Editorial Universitaria de Buenos Aires. Pp. 135–152.
20. Weyland K. 1996. Neopopulism and Neoliberalism in Latin America: Unexpected Affinities. Studies in Comparative International Development, no. 31 (3), pp. 3–31.
21. Weyland K. 2002. The Politics of Market Reform in Fragile Democracies. Argentina, Brazil, Peru, and Venezuela. Princeton: Princeton University Press. 335 p.
22. Weyland K. 2013. The Threat From the Populist Left. // Journal of Democracy, no. 24 (3), pp.18–32.

Об авторе

Варенцова Ольга Борисовна – аспирант кафедры сравнительной политологии МГИМО(У) МИД России. Магистр Института Ибероамерики при Университете Саламанки (Испания) по специальности «Политика стран Латинской Америки». E-mail: olgavaren@gmail.com.

THREE WAVES OF POPULISM IN LATIN AMERICA

O.B. Varentsova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: Contemporary political regimes in Venezuela and Bolivia led by late Hugo Chávez (now by his successor Nicolas Maduro) and Evo Morales are considered by foreign and Russian scholars as part of the third wave of populism. In the 20th century Latin America already witnessed two waves of populism which coincided with significant political transitions, namely a transition from oligarchy to mass politics accompanied by implementation of import substitution industrialization policies, and a transition from authoritarian rule to democracy during the third wave of democratization which triggered neoliberal reforms inspired by Washington Consensus. This article presents common characteristics of Latin American populist regimes that emerged in different historical periods which help identify the origins as well as distinctive features of Venezuelan and Bolivian political regimes. It is stated that the Chávez and Morales left populist regimes resemble classic populist regimes in that they rely on incendiary anti-establishment discourse. Therefore, left populist regimes are characterized by high levels of polarization as well as weak institutionalization and class or indigenous orientation.

Election of left populist leaders may lead to institutional deadlock, uneven playing field and transition to competitive authoritarianism.

Key words: populism, neoliberalism, import substitution industrialization, crisis of representative democracy, party system crisis, Latin America, Venezuela, Bolivia.

References

1. Dabagyan E.S. 2007. Metodologicheskie osnovy izucheniya fenomena "levogo povorota" [Methodology of studying "Left Turn"] / Sudarev V.P. (ed.). "Leviy povorot" v Latinskoj Amerike ["Left Turn" in Latin America]. Moscow: Institut Latinskoj Ameriki. 216 p. (In Russian)
2. Corrales J. 2006. Hugo Boss. Foreign Policy, 2006, no. 152, pp. 32-40 (Russ. ed.: Corrales J. 2006. Diktator novogo tipa [Dictator of a new type]. In Pro et Contra, no.1, pp. 74-83.)
3. Angell A. 1998. The Left in Latin America since c.1920. Latin America, vol. 6: 1930 to the Present, part 2: Politics and Society/ Ed. by Bethell L. Cambridge: Cambridge University Press. 489 p.
4. Conniff M.L. 1999. Introduction. Populism in Latin America / Conniff M.L. (ed.). Tuscaloosa and London: The University of Alabama Press. 243 p.
5. Dix R.H. 1989. Cleavage Structures and Party Systems in Latin America. In Comparative Politics, no. 22, pp. 23-37.
6. Dornbusch R., Edwards S. 1992. La macroeconomía del populismo. Macroeconomía del populismo en la América Latina / Dornbusch R., Edwards S. (eds.). México: Fondo de cultura económica. 459 p.
7. Drake P.W. 1982. Conclusion: Requiem for Populism? Latin American Populism in Comparative Perspective / Conniff M.L. (ed.). Albuquerque, University of New Mexico Press. 257 p.
8. Germani G. 1977. Política y sociedad en una época de transición. De la sociedad tradicional a la sociedad de masas. Buenos Aires: Paidós. 371 p.
9. Levitsky S., Loxton J. 2012. Populism and Competitive Authoritarianism in the Andes. Democratization, no. 20 (1), pp. 107-136.
10. Madrid R. 2005. Ethnic Cleavages and Electoral Volatility in Latin America. Comparative Politics, no. 38 (1), pp. 1-20.
11. Malloy J.M. 1977. Authoritarianism and Corporatism in Latin America: The Model Pattern. Authoritarianism and Corporatism in Latin America / Malloy J.M. (ed.). Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. 529 p.
12. Potter B. 2007. Constricting Contestation, Coalitions, and Purpose: The Causes of Neoliberal Restructuring and Its Failures. Latin American Perspectives, no. 34 (3), pp. 3-24.
13. Roberts K.M. 2002. Social Inequalities Without Class Cleavages in Latin America's Neoliberal Era. Studies in Comparative International Development, no. 36 (4), pp. 3-33.
14. Roberts K. 2003. Social Polarization and the Populist Resurgence in Venezuela. Venezuelan Politics in the Chávez era. Class, Polarization and Conflict / Ellner S., Hellinger D. (eds.). Boulder: Lynne Rienner Publishers. Pp. 55-72.
15. Roberts K.M. 2007. Latin America's Populist Revival. SAIS Review, no. 27 (1), pp. 3-14.
16. Seligson M. A. 2007. The Rise of Populism and The Left in Latin America. Journal of Democracy, no. 18 (3), pp. 81-95.
17. Stokes S.C. 2001. Mandates and Democracy. Neoliberalism by Surprise in Latin America. Cambridge: Cambridge University Press. 220 p.
18. Weffort F. 1999. El populismo en la política brasileña. Populismo y neopopulismo en América Latina: el problema de la Cenicienta / Mackinnon M.M., Petrone M.A. (eds.). Buenos Aires: Editorial Universitaria de Buenos Aires. Pp.135-152.
19. Weyland K. 1996. Neopopulism and Neoliberalism in Latin America: Unexpected Affinities. Studies in Comparative International Development, no. 31 (3), pp. 3-31.
20. Weyland K. 2002. The Politics of Market Reform in Fragile Democracies. Argentina, Brazil, Peru, and Venezuela. Princeton: Princeton University Press. 335 p.
21. Weyland K. 2013. The Threat From the Populist Left. Journal of Democracy, no. 24 (3), pp. 18-32.
22. Laclau E. 1978. Política e ideología en la teoría marxista. Capitalismo, fascismo, populismo. Madrid: Siglo XXI de España Editores, S.A. 323 p.

About the author

Olga V. Varentsova – PhD student at MGIMO-University. She holds M.A. degree in Latin American Studies of the Institute of Iberoamerica (University of Salamanca, Spain). E-mail: olgavaren@gmail.com.